

ПЕРНАТАЯ ШТУЧКА

Размышления о годе, проведённом в охотах по перу.

*«Надежда – это пернатая штучка,
Что вьёт гнездо в нашей душе...»
(Эмили Дикинсон)*

Пролетел последний охотничий сезон. Нет, этот каламбурчик – так себе. Промаяхнул мимо? И того хуже. Видите ли, дело в том, что весь прошлый год я посвятил исключительно охоте по перу.

Так не должно было случиться. На прошлый февраль планировалось долгожданное великое приключение – ходовое сафари без проводников в Камеруне. А затем ещё оставался впереди целый год на что угодно. Но всего лишь за несколько дней до моего отлёта в Африку, подобно тому, как

мифическому Анкею-аргонавту обломилось выпить вина, хотя он уже поднёс кубок к губам, так и мне обломилась моя поездка. Правда, не от клыков дикого кабана, как бедолаге Анкею – я поскользнулся на льду. В результате порванная связка четырёхглавой мышцы, хирургическая операция, реабилитация и огромное разочарование были обеспечены. Короче, всё по мудрой пословице: «Человек предполагает, а Бог – располагает». После выздоровления я просто оказался не способен полностью отдаться душой и сердцем чему-нибудь, связанному с охотой на крупную дичь, не будучи уверенным в том, что моя нога меня не подведёт. Прежде чем мне

Год охоты на пернатых запомнился автору различными приключениями, от походов на гусей в Аргентине до охоты на куропаток в Вайоминге

удалось преодолеть свои сомнения, год прошёл, и мне не удалось поохотиться ни на одно какое-нибудь крупное млекопитающее с января по декабрь. Хотя и не без некоторого в своём роде слабого утешения для себя, в виде доброй толики охоты по перу.

Вы как, не ощущаете определённой неловкости по поводу охоты на пернатую дичь? Вообще-то сомнения у меня, как я вкратце объясню потом, вызывает другой синоним – «охота по перу». Но, похоже, сомнения недостаточные, чтобы отвадить меня от этой охоты в радиусе, превышающем 6000 миль от моего дома.

Шесть тысяч миль – это расстояние до Аргентины, а Аргентина – место паломничества для охотников по перу, поскольку практически каждый из них приезжает сюда. В августе пошла и наша очередь: моего племянника Дэвида Макинтайра и моя, так что мы отправились в провинцию Энтре Риос и район Эстанца Кортадерас (www.argentinabesthunting.com). Такое количество охотников в Аргентину привлекает обещание «интенсивной охоты на голубей», этакое расслабленное времяпровождение, которое, если довести его до экстрима, подозрительно схоже с некоторыми формами сомнительного поведения, и, как безапелляционно уверяют, может спровоцировать даже и близорукость.

В районе чудесного охотничьего приюта Кортадерас можно наколотить столько голубей, что такое может выдержать, наверное, только скрытый социопат. Но замечательно, что там также обеспечена и действительно отменная охота на особые виды уток (надо бы добавить, что легальная утиная охота разрешена не во всех охотничьих лагерях Аргентины),

которые водятся в ареале Южного конуса Латинской Америки, голубя пятнистого и «пердиза». Последняя – самая древняя птица, родственник страуса размером с перепела, и, возможно, лучшая здесь горная дичь. Холодным серым зимним южноамериканским утром вы почти трусцой следуете за чёрно-белой короткошёрстной легавой по густому лугу. А она возбуждённо мечется, припадая к земле, в поисках желтовато-коричневого «пердиза», который бежит невидимкой среди невысоких, мокрых от дождя, раскидистых зелёных листьев люцерны, пока, наконец, он не даст свечу, не встанет на крыло, почти всегда в одиночку, и потянет по-над вершинами растений. Тут вы вскидываете ружьё, убеждаетесь, что легавая не стоит на линии огня (и, кстати, вы не стреляете в направлении вон той побелённой фермы), снимаете ружьё с предохранителя и стреляете, надеясь сразить птичку наповал на лету. Не то она снова упадёт на землю и снова побежит, а собаке придётся нестись за ней, отыскивать её и тащить её назад, к охотнику.

Охотясь на «пердиза», вы, если вам повезёт, можете проделать весь этот цикл восемь раз в день, в отличие от аргентинской охоты на голубей, где вас ограничивает только то, сколько раз вы сможете заставить себя нажать на спуск. И это один из источников моего недоумения по поводу охоты по перу, имея в виду потенциально чистое расточительство такого подхода. Частично мою растерянность, может быть, можно объяснить за счёт моей доли коллективной вины в нашей печальной истории коммерческой охоты в этой стране; ведь когда-то для охотника с лодкой считалось за пустяк убивать сотни уток в день (а также, пожалуй, и за счёт

моего слегка стыдливого внутреннего знания о себе того, что, возможно, мне могло бы понравиться немного поучаствовать в таком мероприятии). А может быть, за счёт и того, что, помимо необходимого количества птиц, которых было бы довольно, скажем, чтобы плотно поесть разок-другой со своими друзьями, я просто не могу объяснить, зачем же мне нужно ещё стрелять этих птиц, будь они неладны, кроме того, что такое поведение – это родимое пятно первородного греха.

Другое моё сомнение по поводу охоты по перу заключается в том, что существуют такие её формы, выглядящие – если уж мы предпочитаем ассоциировать охоту с трудным и мужественным занятием – слишком по-сибаритски. Ведь так мало драгоценных усилий требуется для того, чтобы сидеть в комфортабельной засидке, иногда даже и с обогревом, и ждать, пока чучела не приманят тебе гусей. Или нахлопать ящик болотных курочек.

Как-то после Дня Благодарения я охотился на болотных курочек около Бофорта в Северной Каролине, на лодке-плоскодонке 21-летнего Кэптана Оуэна Плэйра (www.baystreetoutfitters.com). Болотная курочка, пернатая дичь, больше известная своим умением отлично маскироваться, чем какой-то привлекательностью её незатейливого оперения, или примечательным полётом или особо сочным вкусом, похоже, достигла пика популярности среди охотников по перу где-то в конце XIX века. Так она и остаётся полузабытым ароматом тех дней: широкополые соломенные шляпы, белые рубашки без воротничка и охотники, неловко балансирующие на носу лодок-«душегубок» из дранки, которыми правят шестью лодочники через коричневый покров

шнур-травы на воде. Они направляют их к клюющим табункам длинноносых коричневых птиц с короткими вздёрнутыми хвостами, переступающих длинными, словно на ходулях, ногами по плавающим стволам тростника, колеблемых приливной волной.

Веком позже, мягким солнечным ноябрьским утром, на высокой воде в болотах реки Брод, наша лодка сделана уже из фиброгласа, а мотор её приподнят вверх. Кэптен Оуэн занимает место «шестовика», направляя нос лодки прямо на болотных курочек. А те не трогаются с места, пока мы не подплываем к ним почти вплотную. И вот они вспорхнули, потянув низко и медленно, позволяя мне почувствовать себя, со своей заёмной итальянской двустволкой 20-го калибра, ну просто настоящим снайпером, когда я вёл птицу ружьём и стрелял из правого ствола, видя, что курочка, кувыряясь, падает в воду, вздымая вокруг себя в воздух корону бриллиантовых водяных брызг. И так ещё четырнадцать раз, в соответствии с лимитом охотничьей лицензии.

Всё это создаёт впечатление, что охота по перу – это прямо щедрый дар, не требующий никаких усилий. Что, в конечном итоге, является ложным суждением. Или, как написал охотник Джордж Макленд в 1767 г. в своей поэме «Птериплегия, или искусство стрельбы влёт», охота по перу уж точно не для «слабых и истеричных», которых «...следует держать дома и кормить желе с ложечки, пока у них не появится сила».

Свидетельством чего здесь явился первый туманный день сезона охоты на горных куропаток, который я провёл, карабкаясь на горные хребты, сквозь сосны со стекающими с веток каплями влаги и ощущая, как «тянет» мне ткань операционного шрама

над моим коленом. Ну, и ещё предоставляя моему коричневатобелому спрингер-спаниелю Кейси бодрящее, но, как оказалось, в конце концов, бесполезное занятие, в результате которого ни он, ни я не увидели или даже не унюхали ни пёрышка.

Охота на пернатую дичь (в отличие от охоты по перу), по большей части, – это не томное и не обильное добычей занятие, как это можно заметить на рифах, покрытых нырками близ прибрежных островов штата Мэн. Это там, в середине декабря, тепло укутавшись и охотясь с Линдой Пауэлл из фирмы Mossberg Firearms в окрестностях города Стонингтон, в районе Дир Айсл, я завершил свой «пернатый год» на чёрных скалах, покрытых моллюсками с острыми, как бритва, краями раковин, лелея надежду, что американские гаги вот-вот появятся над привязанными и прыгающими на волнах белыми чучелами и любезно предоставят себя в моё распоряжение на дисстанции моего «Моссберга 500».

Абсолютное большинство этих относительно редких крупных чёрно-белых уток, которых я видел в воздухе, решительно отказывались от такой чести. Так что три холодных утра я пролежал в скалах, наблюдая, как гаги волна за волной двигаются в моём направлении, для чего я время от времени ретировался на возвышенность, а солнце поднималось сквозь сосны на островке, находившемся от меня через узкий пролив.

Раз или два прилетал покразоваться пятифунтовый селезень и парил в воздухе, склоняя голову и пряча клюв. И мы стреляли, а я выстрелил второй раз, и птица падала кувырком в воду, и маленькая сучка чёрного лабрадора в своём камуфляжном неопреновом

жилете ждала, пока свинцовая осыпь выстрелов не рухнет в море. А потом бросалась в воду и долго плыла с задраным вверх носом к штучке в белых перьях, затем разворачивалась и шлёпала по воде назад с селезнем в зубах, карабкалась на скалу и вкладывала добычу в руку своего хозяина, отряхиваясь затем от воды с видом чрезвычайно удовлетворённым.

Итак, сожалею ли я о своём «пернатом годе»? Раздражали ли меня некоторые его эксцессы и спорадически сибаритская натура? Волновало ли меня то (и в этом, возможно, заключается суть дела), что я всё ещё стойко разделяю одно убеждение. Это убеждение в том, что охотничья жизнь, посвящённая исключительно охоте по перу, или более спартанскому варианту – охоте на пернатую дичь, – не слишком многого стоит (то есть те, кто охотятся, – охотятся на крупную дичь, а тот, кто неспособен подняться до этого уровня, – стреляет птичек)? И что же, теперь мой прошедший охотничий сезон стал неудачным сезоном охоты на птичек? Всем этим соображениям я хотел бы ясно и отчётливо ответить: «Разумеется, ничего подобного».

В этом, 2012 г., я с большим энтузиазмом ожидаю возможности снова побродить за пернатыми штучками, потомками динозавров, поскольку, воистину, Господи, мне так это нравится. Но я должен сказать, что ещё даже больше я рассчитываю также походить и за штучками с копытами и рогами, роскошными раскидистыми рогами, во всём своём великолепии добравшимися до нас из плейстоцена.

Узнайте больше от Томаса Макинтайра в интернете: Twitter @mcintyreburnts.